
Склянка
драконьей крови

Бард Дракенсдаада

Склянка драконьей крови

«Автор»
2026

Дракенсдаада Б.

Склянка драконьей крови / Б. Дракенсдаада — «Автор», 2026

«Склянка драконьей крови» — это история о верности и ревности, о цене таланта и о том, как прошлое возвращается, чтобы допеть оборванную мелодию.В таверне «Ржавый грифон», за стенами которой бушует дождь, странник просит юную Мирель сыграть колыбельную, которую она никогда не исполняла на людях. Так начинается история о двух друзьях — сыне мельника и обедневшем рыцаре, — которые поклялись вместе постичь магию и прославиться. Но в академических стенах их поджидает не только наука: таинственная Эйлиана, дочь опального рода, ведёт с обоими опасную игру. Дружба, любовь и предательство сплетаются в клубок, а старая колыбельная ведёт Мирель к разгадке. Что связывает её с прошлым странника? И какую цену придётся заплатить за «склянку драконьей крови»?

© Дракенсдаада Б., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Склянка драконьей крови 5
Пролог. Таверна «Ржавый грифон» 5
Глава 1. Школяры 7
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Бард Дракенсдаада
Склянка драконьей крови

Склянка драконьей крови

Пролог. Таверна «Ржавый грифон»

К полуночи дождь превратился в потоп.

Он барабанил по черепичной крыше «Ржавого грифона» с таким упорством, будто хотел пробить её насквозь, стекал по ставням мутными потоками и шумел в водосточных желобах, как стадо взбесившихся водяных. Купцы и возчики, заночевавшие в таверне, давно разошлись по комнатам; в зале остались только трактирщик, дремавший за стойкой, да сонный кот у очага.

И Мирель.

Она сидела в дальнем углу на низкой скамье, подобрав под себя ногу, и лениво перебирала струны. Рыжая коса, перекинутая через плечо, отливала медью в свете очага. Стройная, гибкая, с тем особым изяществом, которое достаётся людям, всю жизнь проведшим на дорогах, она носила зелёный бархатный камзол, чуть потёртый на локтях, но всё ещё нарядный, и носила его так, будто он был сшит для королевского двора, а не куплен у разорившегося портного за три песни.

Вечер выдался прибыльным. «Балладу о Трёх Сестрах» у неё просили дважды, «Песню о ленивом рыцаре» трижды, и кошелёк на поясе приятно оттягивал ремень. Можно было идти спать. Но Мирель не пошла.

Потому что ей захотелось сыграть ту самую мелодию.

Она не знала, откуда это желание. Просто, когда последние слушатели ушли, а дождь за окнами сомкнулся в сплошной шум, пальцы сами нашли знакомый ход: три ноты вверх, одна вниз, пауза, и снова. Простая, тихая, почти колыбельная. Ту, что мать пела ей шёпотом в детстве, когда за окнами замка ночами что-то огромное и тёплое кружило над крышей. Ту, что Мирель никогда, ни разу, не играла на людях.

Медальон на груди, ничем не примечательный серебряный листок на тонкой цепочке, был сегодня странно тёплым. Она списала это на очаг.

И тут хлопнула дверь.

В зал ворвался сквозняк, свеча на стойке погасла, трактирщик всхрапнул и перевернулся на другой бок. Мирель не подняла головы. Входили и выходили, по ночам в таверны заглядывают самые разные люди: пьяницы, беглецы, заблудившиеся путники.

Она продолжала играть.

Шаги были почти бесшумны. Незнакомец остановился неподалёку и слушал. Она чувствовала на себе его взгляд, не наглый, не оценивающий, а какой-то странно бережный, как смотрят на огонёк, который боишься задуть.

Три ноты вверх. Одна вниз. Пауза.

На четвёртом повторе Мирель не выдержала и подняла глаза.

Перед ней стоял человек. Худой, не по годам седой, закутанный в рваный дорожный плащ, из-под которого торчали латаные сапоги. Лицо его, обветренное и очень усталое, казалось бы старым, если бы не глаза: светлые, ясные, с такой неожиданной молодостью в глубине, что у неё вдруг защемило в груди.

Мелодия оборвалась на полуноте.

У незнакомца дрогнули губы.

— Налей-ка бродяге вина, красавица, — сказал он тихо. — Душа стосковалась по крови драконьей.

Мирель не любила, когда к ней подсаживались во время песни, и ещё меньше любила хмельных рассказчиков, считавших себя героями баллад. Она усмехнулась, кивнула трактирщику, который уже приоткрыл один глаз, и через минуту перед гостем стоял кувшин с вином и две глиняные кружки.

Бродяга сел напротив. Налил себе. Не выпил, только обхватил кружку двумя руками, будто грелся.

— Продолжай, — сказал он, не поднимая глаз. — Ту, что играла, когда я вошёл.

Пальцы Мирели замерли на струнах.

— Откуда вы знаете, что я…

— Это не песня, — мягко перебил он. — Это колыбельная. И ты никогда не пела её на людях, верно? Даже не называла вслух.

По спине у неё пробежал холодок.

Она хотела спросить, кто он. Хотела встать, позвать трактирщика, отшутиться. Но он смотрел на неё теми самыми ясными, усталыми глазами, и в них не было ни хмеля, ни угрозы. Только огромная, терпеливая тоска, как у человека, который слишком долго ждал и вот наконец дождался.

Глава 1. Школяры

— Я был школяром, — произнёс он наконец. — Нас учили на магов.

И дождь за окном как будто притих, чтобы послушать.

Академия стояла на скале над рекой так давно, что никто уже не помнил, что было раньше: скала или башни. Серые стены поросли мхом, на шпилях сидели вороны, а в гулких коридорах вечно пахло воском, пергаментом и палёным волосом, если какой-нибудь первокурсник путал заклинания.

Алдрик приехал сюда в тринадцать лет с одним сундуком и письмом от деревенского священника. Он был сыном мельника, а в Академии, как ему быстро объяснили, это значило немногое. Здесь ценились имя, герб и золото. Ещё здесь ценился дар, и вот этого у Алдрика оказалось в избытке.

На третий день его отыскал Торвин.

— Эй, мельник! — окликнул он на лестнице, перепрыгивая через две ступени. — Слышал, ты вчера у мастера Гвидо свечу взглядом зажёг. Врут?

Торвин был на год старше, широкоплеч, рыж до того, что казалось, будто голова у него тлеет, и обладал привычкой говорить прежде, чем думать. Он был сыном рыцаря-захребетника, из тех, чей род знатен, а кошель пуст. В Академию его отдали с наказом «выбиться в люди», и он выбивался с таким усердием, что мастера крестились, завидев его на пороге.

— Не врут, — ответил Алдрик, смутившись. — Только я нечаянно.

— Нечаянно! — Торвин расхохотался так, что эхо побежало вверх по лестнице. — Слушай, нечаянный, пойдём. Я знаю, где на кухне прячут пироги с зайчатиной. Один ты никогда не найдёшь.

Так они и подружились: пирогами, нечаянными свечами и общей бедностью, которая роднит крепче крови.

К концу первого года они уже делили одну каморку под самой крышей, один плащ на двоих в морозные ночи и одну тайну: оба мечтали не просто выучиться, но создать нечто, о чём потом сложат песни.

— Вот увидишь, брат, — говорил Торвин, лёжа на койке и глядя в потолок, где проступало пятно в форме дракона. — Мы с тобой ещё затмим их всех. Назовут нас мастерами Алдриком и Торвином, и ни одна душа не вспомнит, что один из нас мельников сын.

— А другой — вечный нищий, — подхватывал Алдрик.

— Зато какой нищий! — отзывался Торвин. — С гордой осанкой!

И Алдрик смеялся, потому что ему было семнадцать лет и у него был друг, которого он называл братом.

Наука шла своим чередом. Днём — травы и заклятья, ночью — зубрёжка при свече. Мастера были строги, но справедливы, лишь один из них, старый архивариус Брамвель, глядел на учеников с вечной тоской, словно каждый из них был книгой, которую никогда не прочтёт до конца.

У Брамвеля было правило: в библиотеку, где хранились старинные фолианты, допускали лишь старших школяров, и то по особому слову. Алдрик с Торвином получили такое слово лишь к концу третьего года, и в тот день Торвин от радости чуть не расцеловал самого архивариуса.

— Не шумите, — проворчал Брамвель, отпирая окованную дверь. — Здесь спят вещи, которые лучше не будить.

Но Торвин уже не слушал. Он шагнул в сумрак стеллажей, где пыль висела в солнечных столбах, как золотая пудра, и присвистнул.

— Алдрик, ты только погляди! Тут их сотни! Тысячи!

Алдрик тоже глядел, но не на книги.

У дальнего окна, на подоконнике, сидела девица. Она читала, подобрав под себя ноги в тёмных чулках, и на её волосы, цвета воронова крыла, падал луч. Платье на ней было из тех, что носят дочери опальных родов: хорошего покроя, но застиранное, с аккуратной штопкой на локте. Она не поднимала головы, и ресницы её чуть заметно вздрагивали при каждой перевёрнутой странице.

— Кто это? — выдохнул Алдрик.

Торвин проследил за его взглядом и неожиданно умолк.

— Эйлиана, — сказал он тихо, и в голосе его не было прежней беспечности. — Из рода Ольховских. Тех, что королева лишила земель. Говорят, она тут уже второй год сидит, читает всё подряд и никому слова не скажет.

— Второй год? — Алдрик нахмурился. — А я ни разу её не видел.

— Её никто не видит, — пожал плечами Торвин. — Она тень. Пойдём, нам ещё манускрипты по травоведению искать.

Он потянул друга за рукав, но Алдрик не двинулся.

И вдруг девица подняла голову.

Глаза у неё были серые, холодные, светлые, как озёра, покрытые первым льдом. В них отражалось окно, и пыль, и Алдрик, застывший посреди прохода, как пойманный вор. Он забыл, как дышать. Забыл, зачем пришёл. Забыл даже собственное имя.

Она не улыбнулась. Просто смотрела. Долго, внимательно, будто решала, достоин ли он быть замеченным.

А потом чуть склонила голову набок и снова опустила глаза к книге.

Только уголок её губ дрогнул. Едва заметно. Ровно настолько, чтобы Алдрик понял: ему не показалось.

— Идём же, — настойчиво шепнул Торвин, и в его голосе Алдрик расслышал что-то новое, чему пока не мог подобрать названия.

Они пошли меж стеллажей. Алдрик оглянулся у самой двери.

Эйлиана читала. Но страница, на которую она смотрела, уже минуту оставалась не перевёрнутой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.